

Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов

Л.В. Терентьева

доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Адрес: 123242, Российская Федерация, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9. E-mail: terentevamila@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется концепция суверенитета государства в условиях глобализационных процессов, порождающих не только экономическую, но и политическую взаимозависимость государств, а также в условиях развития информационно-коммуникационного пространства, трансграничность которого означает вызовы государствам на предмет определения их юрисдикции в отношении сетевых сегментов. В статье раскрывается поляризация доктринальных мнений о степени воздействия данных процессов на государственный суверенитет, исследованы вопросы отчуждаемости, ограничения, деления суверенитета. Автор подвергает критике как постпозитивистскую концепцию суверенитета, исходящую из того, что суверенитет перестает быть важнейшим признаком или свойством национального государства в условиях глобализации, интеграции государств и правовых систем, а также с развитием информационно-коммуникационных технологий, так и концепцию, обосновывающую необходимость переосмысления понятия суверенитета и его ограничения. Связанность государства социально-политическими, экономическими и иными обязательствами как на внутренней, так и на внешней арене оказывают воздействие не на суверенитет как международно-правовой принцип, а на реализацию суверенных прав государства через совокупность его властных полномочий. При этом принцип суверенного равенства государств остается неизблевым при фактическом неравенстве государств, которое обусловлено различными политическими, экономическими, информационными и иными факторами. В статье обосновывается отсутствие практической и теоретической необходимости деления суверенитета на различные категории: экономический, политический, налоговый, сетевой, цифровой и т.д., ввиду противоречия делимости суверенитета его природе, а также нецелесообразности изучения суверенитета в зависимости от сфер его реализации, которых может быть сколько угодно. Обосновывается, что развитие информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий, оказывающих влияние на пространственно-временные и национальные границы, видоизменяют правовые формы реализации государственной власти. В связи с этим проверка на способность отвечать современным вызовам информационного общества, интересы которого реализуются вне пределов определенных территорий, должны пройти такие категории, как юрисдикция и территория государства.

Ключевые слова

суверенитет, юрисдикция, государство, государственная власть, суверенные права, территориальное верховенство, территориальный суверенитет.

Библиографическое описание: Терентьева Л.В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 187–200.

JEL: K1; УДК: 340

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.187.200

Суверенитет государства воздействует на многие сферы общественной жизни, в результате чего смысловое значение данного термина становится объектом исследования различных общественных наук: юриспруденции, политологии, социологии, экономики. Изначально суверенитет существовал как политическое явление, впоследствии эволюционировал в политико-правовую плоскость и получил конституционно-правовое закрепление. В связи с этим суверенитет как правовая категория рассматривается преимущественно в рамках международного и конституционного права. Международное значение суверенитет как принцип международного права для ряда государств в пределах их территории получил с подписанием Вестфальского мира (1648), ознаменовавшего окончание европейской Тридцатилетней войны. Его условиями были утверждены верховенство, независимость, самостоятельность государства на всей его территории, провозглашен принцип невмешательства во внутренние дела государств. В настоящее время на международном уровне не закреплено понятия суверенитета государства, но в Уставе ООН содержится принцип суверенного равенства государств как один из основополагающих принципов международного права.

За последние десятилетия дискуссия относительно концепции суверенитета государства стала приобретать новое звучание, обусловленное рядом объективных факторов. К их числу можно отнести глобализационные процессы, которые выходят далеко за рамки экономической интеграции и порождают не только экономическую, но и политическую взаимозависимость государств. Также к числу объективных факторов, видоизменяющих концепцию суверенитета, относят информационно-коммуникационное пространство, развитие которого ставит вызовы перед государствами на предмет определения своей юрисдикции в отношении сетевых сегментов. Помимо объективных глобализационных и информационных процессов к причинам, обуславливающим переосмысление концепции суверенитета, относится ряд иных рукотворных факторов как, например, прямое и косвенное нарушение суверенитета, универсализация прав и свобод человека, приоритет и верховенство наднациональных институтов и норм. В последнее время получил распространение «демократический аргумент», приобретший актуальность в связи с мощными интеграционными процессами в странах Запада (особенно в рамках Евросоюза): принятие ключевых решений переносится с национального на надгосударственный уровень ради сохранения демократии¹.

Значимость воздействия данных процессов на государственный суверенитет неоднозначно оценивается в литературе; зачастую авторы занимают прямо противоположные позиции, которые могут иметь идеологический оттенок. Имеется в доктрине также ряд расхождений относительно включения отдельных аспектов в понятие суверенитета, его отчуждаемости, ограничения, деления суверенитета в зависимости от сферы его реализации: экономический, политический, информационный, налоговый и т.п. Само понятие «суверенитет», как отмечает Г.И. Мусихин, также неоднозначно до такой степени, что не существует консенсуса даже по поводу того, является ли данное понятие

¹ Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 64–78.

дискуссионным или бесспорным в своей основе. В то же время автор объясняет данное явление особенностями понятийного аппарата, относящегося к суверенитету, поскольку суверенитет тесно ассоциируется с такими категориями, как государство, власть, авторитет, право и политика².

Между тем в отношении содержательных признаков в понятии «суверенитет» в доктрине наблюдается относительное единодушие. В многочисленных определениях суверенитета подчеркивается преимущественно верховенство и независимость государства внутри своей территории и по отношению к другим государствам³. При этом независимость государства трактуется как его полная самостоятельность в решении внутренних и внешних проблем, в формировании и осуществлении внешней политики государства, в установлении и развитии на равноправной основе отношений с другими суверенными государствами⁴. На основании данного определения в литературе разграничивают внутренние и внешние проявления суверенитета: единую волю государства на внутренней арене, проявляющуюся в установлении его законов, и его единую волю в его отношениях с другими государствами⁵.

Небесспорны определения суверенитета, в которых подчеркивается, что суверенитет является признаком государственной власти, а не государства. Так, в диссертации Н.И. Грачева суверенитет определен как «признанная государствообразующим народом (легитимная), внешне непроемкая, постоянная, юридически неограниченная верховная власть, обладающая универсальным полномочием на управление государством в целом и концентрирующая монопольное право на принятие окончательных решений по всем вопросам общегосударственного значения»⁶. Используемая в определении формулировка «юридически неограниченная верховная власть» не вполне согласуется с международным и внутренним правом, которое признает за государственной властью независимость, но в то же время предписывает определенные ограничения при реализации этой власти. Похожим образом суверенитет определен в работе Н.И. Палиенко в качестве «свойства государственной власти, сферой распространения которой в свою очередь является территория государства, т.е. пространственный предел властвования, населения, живущего в пределах этой территории... и всей внешней стороной жизни населения, доступной правовому государству...»⁷.

Тезис о государственной власти как носителе суверенитета справедливо оспаривается в литературе как противоречащий другому тезису, в котором говорится о единстве

² Там же.

³ Баглай М.В., Габричидзе Б.И. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 125; Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной микрополитической системе. М., 2006. С. 47–57; Макуев Р.Х. Несостоятельность идеи «ограниченного суверенитета» // Государство и право. 2008. № 9. С. 23–29; Тункин Г.И. Основы современного международного права. М., 1956. С. 15; Левин И.Д. Суверенитет. М., 1948 (цит. по переизданию: СПб., 2003); Ушаков Н.А. Суверенитет и его воплощение во внутригосударственном и международном праве // Московский журнал международного права. 1994. № 2; Кузьмин Э.Л. О государственном суверенитете в современном мире // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 84–94; Международное право / под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М., 2008. С. 151.

⁴ Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. Т. 1. М., 2016.

⁵ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 363; Отпенгейм Л. Международное право. Т. 1. Мир. Полут. 1. М., 1948. С. 130.

⁶ Грачев Н.И. Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 10.

⁷ Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. М., 1903. С. 438.

государственного суверенитета как правового качества, присущего именно государству⁸. Авторы подчеркивают, что суверенитет может быть признаком именно государства, а не государственной власти, которая будучи производной от «своего» государства, сама по себе не обладает суверенитетом, а наделяется в лице органов, ее осуществляющих, лишь определенными, обусловленными соотношением социально-политических сил в обществе и многими другими факторами, полномочиями⁹. Суверенитет может быть практически реализован через государственную власть, но ею не является. Концепция о суверенитете как сущностной характеристике государства, а не государственной власти была обоснована Т. Гоббсом в одной из первых теорий суверенитета на государственном уровне: суверенитет имеют не властители и не подвластные, но государство как таковое¹⁰.

Таким образом, суверенитет является неотъемлемым правовым качеством государства¹¹, а не государственной власти.

Как было отмечено, в современную эпоху финансово-экономической, и, как следствие, политической взаимосвязи и взаимозависимости государств концепция суверенитета государства становится предметом пристального внимания многочисленных ученых. При этом предметом рефлексии становятся не столько содержательные признаки традиционного понятия суверенитета (верховенство и независимость государства внутри своей территории и по отношению к другим государствам), сколько вопрос о степени значимости суверенитета государства и об устойчивости концепции суверенитета в современных условиях, когда независимости государства в пределах его территории и на международной арене противостоит взаимозависимость государств в экономической, информационной и политической сферах.

Именно данные обстоятельства обусловили возникновение новой постпозитивистской концепции суверенитета, которая исходит из того, что суверенитет перестает быть важнейшим признаком или свойством национального государства в условиях глобализации, интеграции государств и правовых систем¹². Радикальность данной концепции заключается не в снижении значимости суверенитета и, как следствие, снижении роли государства в мировой политике, а в необходимости отказа от самого института государственности, который в эпоху глобализации фактически должен исчезнуть, и передачи правления наднациональным структурам: транснациональным, межправительственным и неправительственным институтам. Идеи «конца суверенитета» должны демонстрировать живучесть и получать новое дыхание с каждым следующим вызовом мировому сообществу, которым на сегодняшний день являются глобализация и существующее вне государственных границ информационно-коммуникационное пространство. В любых возможных изменениях общественных отношений, вызванных экономико-технологическими, политическими, социальными, и иными факторами, апологеты

⁸ Марченко М.Н. Указ. соч. // СПС Гарант; Черниченко С.В. Делим ли государственный суверенитет? // Евразийский юридический журнал. 2010. № 12. С. 25–31.

⁹ Марченко М.Н. Указ. соч. // СПС Гарант.

¹⁰ Гоббс Т. Сочинения Т. 2. М., 1991. С. 134.

¹¹ В указанной статье С.В. Черниченко ставится вопрос, является ли суверенитет признаком или правовым качеством государства. По мнению автора, «определенные признаки государства неотъемлемы от государства как социального феномена.... Государственный суверенитет появляется только тогда, когда созревают для его появления внутренние, а потом и внешние причины в развитии общества..... Возникла стойкая необходимость в признании этого качества или свойства государства, в конечном счете, для упорядочивания межгосударственных отношений. Без такого признания упорядочивание межгосударственных отношений было бы невозможным». См.: Черниченко С.В. Указ. соч. С. 25–31.

¹² Falk R. Sovereignty / The Oxford Companion to Politics of the World. New York–Oxford, 1993. P. 853; Agamben G. Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. Stanford, 1998.

данной теории будут видеть все новые признаки десуверенизации и исчезновения государственных институтов.

Между тем, несмотря на распространение постпозитивистской концепции государственного суверенитета в зарубежной литературе, ее несостоятельность подтверждается не только отсутствием четкой аргументации, но и фактической нежизнеспособностью. Международные наднациональные органы, которым согласно данной теории государства должны делегировать полномочия по управлению, в настоящее время демонстрируют неэффективность, фактически реализуя вопреки международному праву политический заказ группы государств. С точки зрения теории управления неэффективность управления наднациональными политическими институтами, заменяющими национальные, продемонстрирована в работе О.Н. Тыняновой¹³. Автор подчеркивает, что любой наднациональный политический институт, заменяющий национальные политические институты и создаваемый как «размыкающий» контур региона (макрорегиона), обречен на управленческое фиаско. Мировая система, по мнению автора, управляемая «мировым правительством», в силу существенного снижения внутрисистемного разнообразия оказалась бы чрезвычайно нестабильной.

Наряду с концепцией, умаляющей значение суверенитета так такового, в доктрине имеют место две полярные позиции относительно необходимости переосмысления и ограничения концепции суверенитета в современных условиях. К первой группе относятся авторы, отрицающие необходимость трансформации концепции и относящие суверенитет к важнейшим, сущностным статичным признакам государства¹⁴. Ко второй группе принадлежат авторы, обосновывающие необходимость переосмысления понятия суверенитета и его ограничения в современных условиях¹⁵. Так, А.А. Самарин отмечает, что публично-правовой характер глобализационных процессов изменил объем суверенных прав государств, уменьшая суверенные права отдельных государств в пользу увеличения прав негосударственных субъектов. По мнению автора, данный фактор способствует возрастанию объема экстерриториальной юрисдикции, так как связь территории и права осуществляется именно государством¹⁶. А.Н. Кольцов в экономическом, политическом, научно-техническом, экологическом и информационном сближении государств видит рост взаимозависимости государств, что приводит к ослабеванию их суверенитета¹⁷. По мнению М.Н. Марченко, государственный суверенитет выступает фундаментальной категорией, без которой невозможно подтверждение сущности и содержания государственного механизма, но под воздействием процесса глобализации, равно как и иных происходящих в мире процессов, государственный суверенитет не остается неизменным¹⁸.

¹³ Тынянова О.Н. Национальный суверенитет и государственные границы в эпоху глобализации // Век глобализации. 2010. №1. С. 89–104.

¹⁴ Черниченко С. В. Указ соч. С. 25–31; Галушко Д.В. О суверенитете государства в международном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1 (14). С. 366–374; Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном в контексте глобализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 26.

¹⁵ Курочкин А.В. Трансформация государственного суверенитета в условиях становления сетевого общества [Электронный ресурс]: // URL: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/24.html (дата обращения: 4.11.2016)

¹⁶ Самарин А.А. Право и экстерриториальность в условиях глобализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 115–124.

¹⁷ Кольцов А.Н. О глобализации и суверенитете государств // Вестник Чувашского университета. 2004. № 1. С. 50–53.

¹⁸ Марченко М.Н. Указ соч. // СПС Гарант.

Развитие информационно-коммуникационных технологий также способствовало видоизменению функционирования традиционных элементов государства и общества. В результате расширения коммуникационных границ снижается значимость пространственно-временных и национальных границ. В информационном пространстве формируются как положительные, так и отрицательные последствия для общества и государства. К последним, безусловно, можно отнести риски информационной безопасности, угроза которой сложилась в результате распространения электронной коммуникации. В некоторых публикациях использование информационных технологий и Интернета отнесено к новому типу оружия, который развивают на протяжении последнего десятилетия мировые державы: США, Россия и Китай¹⁹. Возможность интернет-ресурса затрагивать интересы любых лиц в любой точке земного шара, трансграничный характер Сети и ограниченная территориальная компетенция каждого отдельного государства представляют одну из проблем при реализации государством властных полномочий. В связи с этим в доктрине высказана точка зрения, что, будучи альтернативным пространственным измерением, киберпространство является фактором разрушения Вестфальской системы, в том числе и трансформации ее стержня — института суверенитета. Авторы объясняют это ограниченным влиянием государственной власти на виртуальное сообщество²⁰.

Можно ли утверждать, что все перечисленные факторы оказывают воздействие на сам суверенитет как международно-правовой принцип? Можно ли согласиться с бытующими в зарубежной и отечественной литературе воззрениями, что государственный суверенитет как политико-правовая категория изживает себя, поскольку процесс суверенизации государств не совместим с процессом глобализации и интеграции государств, а также с развитием информационно-коммуникационных технологий?

Допустить данное предположение — значит признать концепцию делимости и ограничения суверенитета, в отношении которой в доктрине также имеет место поляризация мнений. Так, возможность ограничения суверенитета прослеживается в работах М.Н. Марченко, который выделяет два аспекта в содержании суверенитета как явления: формально-юридический, отражающий политико-правовую форму государственного суверенитета, и фактический, который выражает его материальное содержание: политическое, социальное, экономическое и иное²¹. Вопрос о делимости и отчуждаемости суверенитета может, по его мнению, касаться лишь его фактической, материализованной в полномочиях преимущественно высших юридических органов стороны, но не формально-юридической стороны. В формально-юридическом смысле суверенитет государства нельзя подвергать сомнению даже в случае его материализованного деления или отчуждения до тех пор, пока существует государство²².

Данная концепция спорна в силу невозможности сохранения формально-юридической стороны суверенитета при деформации содержания (фактической стороны суверенитета), о чем справедливо пишет М.М. Руденков²³. В то же время, оспаривая позицию

¹⁹ Полицартов В.С., Полицартова Е.В. Проблема информационного суверенитета в России // Информационное противодействие угрозам терроризма. 2014. № 23. С. 285–290; Кларк Р., Нейк Р. Третья мировая война: какой она будет? Спб., 2011. С. 4.

²⁰ Шарифов М.Ш. Суверенная власть в киберпространстве и в сетевом пространстве // Современное право. 2009. № 6. С. 40–44.

²¹ Марченко М.Н. Указ. соч. // СПС Гарант.

²² Там же.

²³ Руденков М.М. Актуальные проблемы теории государственного суверенитета: к вопросу о делимости или неделимости суверенитета // Вестник юридического факультета Коломенского филиала Московского машиностроительного университета. 2011. № 6. С. 49–51.

М.Н. Марченко, М.М. Руденков отмечает, что вопросы суверенитета теснейшим образом связаны с международным правом²⁴. Данная позиция также нуждается в уточнении, а именно, отводит ли автор роль ограничителя суверенитета современному международному праву, как это имеет место в ряде доктринальных источников. Так, Э.Л. Кузьмин отмечает, что именно современное международное право исключает нелегитимное применение силы в качестве средства решения спорных проблем, создавая соответствующие нормы и механизмы (например, п. 7 ст. 2 Устава ООН, где оговорен принцип невмешательства во внутренние дела государства в качестве нормы *jus cogens* с оговоркой, которая дает возможность Совету Безопасности ООН в порядке гл. VII Устава осуществлять принудительные меры, неизбежно предполагающие серьезные ограничения суверенитета государства при наличии с его стороны угрозы миру или акта агрессии)²⁵. На этом основана концепция относительного суверенитета, который находится в соответствии с международным правом²⁶. В.Иванов отмечает, что факт вступления государства в международное (межгосударственное) общение — заключение договоров, участие в деятельности международных организаций и т. п. — фактически обозначает «десуверенизацию» государства, поскольку автоматически влечет ограничение суверенитета обязательствами перед другими суверенами, которые тоже ограничивают свои суверенитеты²⁷.

Ряд исследователей роль ограничителя суверенитета отводят действующему праву — и внутреннему и международному, которое ограничивает не только индивидов, но и деятельность государства²⁸. При этом правовое самоограничение государства также имеет пределы. Действующее законодательство, как отмечает А.К. Котов, может настолько ограничивать, связывать государственный суверенитет, насколько оно не противоречит Основному закону страны²⁹.

Здесь необходимо отметить, что в настоящее время вряд ли можно говорить о возможном размывании государственного суверенитета РФ в условиях участия России в деятельности международных организаций и международных договоров, принимая во внимание Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П. В этом документе указано, что заключение Российской Федерацией международных договоров и участие в межгосударственных объединениях не означает ее отказа от государственного суверенитета, относящегося к основам конституционного строя и предполагающего верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на всей его территории и независимость в международном общении, а также являющегося необходимым качественным признаком РФ, характеризующим ее конституционно-правовой статус³⁰.

²⁴ Там же.

²⁵ Кузьмин Э. Л. Указ. соч. С. 84–94.

²⁶ Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 26.

²⁷ Иванов В. Государство и суверенитет. Спор о суверенитете // Русский журнал. 2009. 28 сентября [Электронный ресурс]: URL: // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Gosudarstvo-i-suverenitet> (дата обращения: 10.11.2016)

²⁸ Троицкая А.А. Государственный суверенитет: ограничение или трансформация содержания // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 10. С. 5–11; Абдулаев М.И. Теория государства и права. М., 2004. С. 29.

²⁹ Котов А.К. Государственный суверенитет Республики Казахстан: политико-правовой анализ становления и проблемы национально-государственного развития: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Алматы, 1994. С.18.

³⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П // Российская газета. № 6734 (163).

В Постановлении отмечено, что решение международного органа не может считаться обязательным для исполнения, если в результате толкования конкретного положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором основано Постановление, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысл этого положения разоидется с императивными нормами общего международного права (*Jus cogens*), к числу которых безусловно относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств. Также отмечена возможность противоречия международного договора, который изначально при присоединении к нему России и по его буквальному смыслу, и по смыслу, придававшемуся ему в процессе применения межгосударственным органом, соответствовал Конституции России, но впоследствии посредством толкования (особенно при высокой степени абстрактности его норм, присущей, в частности, Конвенции о защите прав человека и основных свобод) был содержательно конкретизирован таким образом, что вступил в противоречие с положениями Конституции России, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина, а также к основам конституционного строя, в том числе государственному суверенитету и высшей юридической силе Конституции Российской Федерации³¹.

Связанность суверенитета с императивными нормами международного права и нормами национальных конституций в большей степени следует рассматривать не в качестве ограничителей суверенитета государств, а как добровольно принимаемые государствами обязательства по реализации внешней и внутренней политики. В.В. Гаврилов отмечает, что международные договоры, ориентированные на регулирование отношений, складывающихся в пределах одного государства, необходимо рассматривать в качестве меры согласования волеизъявления различных стран, проистекающей из суверенитета³².

Безусловно, государство самостоятельно, на добровольных началах определяет тот круг вопросов, в отношении которых могут быть заключены договорные отношения другими государствами. При этом необходимо отметить, что на разных временных этапах круг вопросов, вынесенный в плоскость международно-правового регулирования, имел неодинаковый объем и содержание, что диктовалось исторической необходимостью, состоянием экономики, политической конъюнктурой и иными внутренними и внешними факторами. Можно ли в связи с этим говорить о том, что на разных исторических этапах государство осуществляло ограничение суверенитета, при том, что данное ограничение не носило равномерного характера, поскольку, как было указано, государство передавало неодинаковый перечень вопросов в сферу регулирования международным правом? Можно ли также говорить о разной степени ограничения суверенитета государств в рамках одного и того же исторического периода в силу того, что они связаны неодинаковым кругом международных договоров?

С.В. Черниченко справедливо замечает, что нельзя понимать буквально механизм ограничения суверенитета в результате заключения международных договоров, поскольку в противном случае придется признать, что разные государства, будучи связанными различными международными договорами, имеют и различный объем своих суверенитетов³³. Автор делает акцент на суверенных правах (полномочиях), которые

³¹ Там же.

³² Гаврилов В.В. Международное право в эпоху глобализации: некоторые понятийные и содержательные характеристики // Московский журнал международного права. 2002. № 3. С. 188.

³³ Черниченко С.В. Указ. соч. С. 25–31.

могут быть ограничены нормами международного права, а не на самом суверенитете, представляющим собой основу суверенных прав. С.В. Черниченко и А.А. Моисеев допускают количественное измерение в понятии государства, но лишь как набор определенных прав и полномочий (правоспособности государства)³⁴. Поддерживая данную позицию, Д.В. Галушко говорит о возможном ограничении или делегировании прав государства, вытекающих из суверенитета, который не может быть ограничен. При этом, подчеркивает автор, такого рода согласие государства возможно исключительно на добровольной основе³⁵.

А.А. Моисеев трактует понятие государственного суверенитета как качественную категорию, носящую абсолютный характер, не поддающуюся количественному измерению³⁶. По мнению Ю.М. Колосова, передача суверенных прерогатив никоим образом не влечет за собой каких-либо отрицательных, угрожающих последствий для суверенитета как неизменного качественного свойства государства, в силу которого оно способно на все больший и больший объем последовательных уступок полномочий; напротив, она ведет к утверждению его приоритетного значения по отношению к иным проявлениям государственности³⁷.

Соглашаясь с вышеуказанными позициями, необходимо отметить, что сама по себе концепция ограничения суверенитета предполагает, что соответствующая категория состоит из структурных частей, которые могут быть делимы как съёмные блоки. Между тем государственный суверенитет относится к качественной, статичной категории, которая не предполагает использования таких количественных показателей в отношении суверенитета как размер, объем, полнота или неполнота. Данное обстоятельство позволяет связывать с понятием «государственный суверенитет» такие его свойства, как единство и неотчуждаемость, которые являются сущностными признаками государства, отмеченные еще в работах Ж.-Ж. Руссо³⁸.

В равной степени данная аргументация может быть использована при решении вопроса о степени влияния глобализационных, информационных и иных процессов в обществе на концепцию суверенитета. Признание довода, что глобализационные, информационные и иные процессы общественной жизни должны влиять на концепцию суверенитета, приводит к выводу, что суверенитет может быть ограничен. Поскольку понятие «государственный суверенитет» лежит в основе таких общепризнанных принципов международного публичного права, как суверенное равенство государств, взаимное уважение государственного суверенитета, невмешательство во внутренние дела друг друга и др., то возможность ограничения самого суверенитета не может не приводить и к деформации указанных принципов.

Любые ограничения суверенитета как международно-правового принципа суверенного равенства государств, верховенства, независимости государства внутри страны и в межгосударственных отношениях могут привести размыванию концепта суверенитета и поставить под угрозу само существование государства. Здесь следует привести высказывание С.В. Хмельского, полагающего, что концепция функционального (ограниченного) суверенитета государства придумана чтобы скрыть претензии США, иных стран «циви-

³⁴ Там же.

³⁵ Галушко Д.В. Указ. соч. С. 366–374.

³⁶ Моисеев А.А. Указ. соч. С. 26.

³⁷ Колосов Ю.М. К вопросу о примате международного права // Международное право в современном мире. М., 1991. С. 8.

³⁸ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 168.

лизованного» Запада на мировое господство в современном мире, тогда как реальный суверенитет государства в международном публичном праве не может проявляться частично (по аналогии с беременностью в биологии) — либо он есть, либо его нет³⁹.

В связи с этим ставить вопрос об ограничении суверенитета в условиях глобализационных, интеграционных и информационных процессов невозможно. Но в то же время, принимая во внимание расширение круга коллективных интересов государств и всего международного сообщества в условиях глобализации, допускающих определенные добровольные ограничения функций суверенных государств с целью достижения государственных интересов, авторы допускают возможность ограничения или делегирования прав государства, вытекающих из суверенитета государства как первичного субъекта международного права, причем исключительно с его согласия на добровольной основе⁴⁰. Основываясь на концепции передачи суверенных прав, а не самого суверенитета, С.В. Черниченко приходит к выводу, что принцип суверенного равенства государств (включая и уважение к государственному суверенитету) не является помехой на пути глобализации⁴¹.

В литературе зачастую суверенитет подразделяют на различные категории: экономический, политический, налоговый, сетевой, цифровой и т.п.⁴² Как отмечает О.Ч. Реут, использование указанных прилагательных по отношению к суверенитету не противоречит концепции суверенитета и позволяет уточнить ту или иную сторону концепта⁴³. При этом экономический, политический, информационный суверенитет, как правило, определяется в литературе в едином ключе: верховенство государства на всей его территории и соответствующее подчинение власти государства всех лиц и организаций в пределах государственной территории в экономической, политической, информационной и иной сферах⁴⁴.

В юридической литературе обосновано определение «сетевого суверенитета», под которым авторы понимают право государства на формирование и осуществление национальной политики по контролю и регулированию на своей территории деятельности социальных сетевых структур, а также на пресечение на территории других стран деятельности сетевых структур, направленной на нарушение собственных конституционных основ и конституционной безопасности⁴⁵. Предложено понятие «цифровой суверенитет», под которым предлагается понимать право и возможность национального правительства самостоятельно и независимо определять и внутренние и геополитические национальные интересы в цифровой сфере, а также проводить самостоятельную внутреннюю и

³⁹ Хмелевский С.В. Государственный суверенитет: понятие, содержание, актуальные теоретические и практические проблемы реализации // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 281–289.

⁴⁰ Галушко Д.В. Указ. соч. С. 366–374; Моисеев А.А. Указ. соч. С. 26.

⁴¹ Черниченко С.В. Указ. соч. С. 25–31.

⁴² Шахматев А.А. Налоговый суверенитет и налоговая юрисдикция государства // Современное право. 2013. № 3. С. 76–81; Хаванова И.А. Фискальный (налоговый) суверенитет и его границы в интеграционных образованиях // Журнал российского права. 2013. № 11 (203). С. 41–51; Избулатов Х.Х. Методологический инструментарий политико-правового исследования понятия «экономический суверенитет» // Философия права. 2007. № 3. С. 139–141; Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Проблема государственного суверенитета в современных геополитических условиях // Управленческое консультирование. 2016. № 3 (87). С. 14–23.

⁴³ Реут О.Ч. Прилагательные суверенитета. Суверенитет как прилагательное // Полис. Политические исследования. 2007. № 3. С. 115–124.

⁴⁴ Кудряшова Е.В. Юрисдикция (суверенитет) государств и налоговый иммунитет в области косвенного налогообложения // Финансовое право. 2005. № 10; Избулатов Х.Х. Указ. соч. С. 139–141.

⁴⁵ Шарифов М.Ш. Указ. соч. С. 40–44.

внешнюю информационную политику, распоряжаться собственными информационными ресурсами, инфраструктурой национального информационного пространства, гарантировать электронную и информационную безопасность государства⁴⁶.

С.В. Черниченко отмечает тщетность попыток деления суверенитета на различные составляющие (экономический, политический, информационный суверенитет) ввиду трудности составления их примерного перечня и определения каждого из этих видов суверенитета. С данной позицией сложно согласиться, поскольку ключевым определением в данных сочетаниях является категория «суверенитет государств», а именно верховенство, независимость государства внутри страны и в межгосударственных отношениях. Что касается дополнительных определений суверенитета: информационный, экономический, финансовый, налоговый и т.п., то в данных определениях каждая из соответствующих сфер без труда может быть детализирована. Другой вопрос, есть ли в этом практическая и теоретическая необходимость ввиду того, что соответствующих сфер может быть сколько угодно, и отражение специфики реализации государственной власти в каждой из них вряд ли может считаться целесообразным и не способно воспроизвести целостную картину суверенитета как концепта. Кроме того, деление суверенитета на несколько категорий подразумевает делимость суверенитета, что противоречит его природе, которая проявляется в целостности и неделимости.

В то же время невозможно отрицать воздействие вышеописанных факторов на осуществление государством своих суверенных прав. Так, В. Иванов пишет, что если государство ограничено моральными и нравственными нормами, культурными традициями, политическими обычаями, всей политической, социальной и экономической реальностью, заставляющей принимать одни совершенно конкретные решения и обязательно воздерживаться от других, то оно *a priori* перестает быть сувереном. На этом основании автор объявляет суверенитет фикцией и фетишем и делает вывод, что не суверенитет делает государство государством, но претензия на суверенитет⁴⁷.

Как представляется, связанность государства политическими, экономическими, социальными, экономическими и иными обязательствами, как на внутренней, так и на внешней арене оказывают воздействие не на сам суверенитет как международно-правовой принцип, а на реализацию суверенных прав государства, при этом принцип суверенного равенства государств остается неизменным. В связи с этим можно говорить о суверенном равенстве как о декларативном принципе, который предполагает юридическое равенство государств при возможном фактическом неравенстве, которое может быть обусловлено различными политическими, экономическими, информационными и иными факторами.

В статье С.В. Черниченко отмечено, что фактически государства не могут быть равны друг другу ни в военном, ни в экономическом, ни в каком-либо другом отношении, но как носители суверенитета, как суверенные образования юридически они признаются равными друг другу⁴⁸. Но здесь стоит подчеркнуть, что нормативное закрепление суверенитета не может совпадать с проявлением суверенитета в политической жизни. Как было отмечено в работе Г.И. Мусихина, полное соответствие между нормами права как они есть (нормативный аспект) и реальным поведением индивидов или институтов, для контроля которых правовые нормы создавались (эмпирический аспект), недости-

⁴⁶ Поликарпов В.С., Поликарпова Е.В. Проблема информационного суверенитета в России // Информационное противодействие угрозам терроризма. 2014. № 23. С. 285–290.

⁴⁷ Иванов В. Государство и суверенитет. Спор о суверенитете // Русский журнал. 2009. 28 сентября [Электронный ресурс]: URL: // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Gosudarstvo-i-suverenitet> (дата обращения: 10.11.2016)

⁴⁸ Черниченко С.В. Делим ли государственный суверенитет? С. 25–31.

жимо, поскольку регулирование реального поведения юридическими актами всегда будет относительным состоянием, в котором факт полного регулирования — всего лишь идеальная точка отсчета, недостижимая в действительности⁴⁹.

В связи с этим следует отметить, что мнение о подлинном суверенитете как об «абсолютном фантазме»⁵⁰, в силу того что государство связано политической, социальной и экономической реальностью, которая ограничивает его самостоятельность и независимость, является ложным.

Взаимодействие государств на международном уровне, безусловно, в той или иной степени детерминирует внутренний и внешний курс государств. Они осуществляют поиск компромиссных направлений, корректировки, адаптации своих позиций в экономической, политической, социальной и иной сферах. «Дистиллированное», изолированное бытие государства в международном сообществе в современную эпоху фактически нереализуемо. Но из этого совершенно не следует, что в результате такого взаимодействия государства утрачивают суверенитет.

Государственный суверенитет относится к качественной, статичной категории, которая не предполагает использования таких количественных показателей в отношении суверенитета, как размер, объем, полнота или неполнота. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что суверенитет в силу единства и неотчуждаемости не может быть ограничен и каким-то образом видоизменен глобализационными, информационными и иными процессами. Отсутствует практическая и теоретическая необходимость в делении суверенитета на категории: экономический, политический, налоговый, сетевой, цифровой и т.д. ввиду того, что соответствующих сфер может быть сколько угодно и отражение специфики реализации государственной власти в каждой из них вряд ли может считаться целесообразным и не способно воспроизвести целостную картину концепта суверенитета. Кроме того, деление суверенитета на несколько категорий подразумевает его делимость, что противоречит его природе, которая проявляется в целостности и неделимости. Развитие информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий способствовало существенному видоизменению функционирования традиционных элементов государства и общества. В результате расширения коммуникационных границ снижается влияние пространственно-временных и национальных границ. Специфика формирования и развития отношений вне территориальных границ, а именно, в виртуальном пространстве (в киберпространстве) может видоизменить правовые формы реализации государственной власти. Между тем данные факторы оказывают воздействие не на сам суверенитет как международно-правовой принцип, а на реализацию суверенных прав государства, при этом принцип суверенного равенства государств остается незыблемым. Готовность адекватного правового воздействия на отношения, складывающиеся в условиях нарастающих экономических, информационных, идеологических, сетевых и иных угроз, должна исследоваться через призму такой юридической категории как реализация суверенных прав государства. Реализовать суверенные права государство способно через совокупность властных полномочий — государственную власть, юрисдикцию, которая на сегодняшний день в большей степени опирается на территориальный принцип, нежели на виртуальную основу. В связи с этим проверку на способность отвечать вызовам информационного общества, интересы которого реализуется вне пределов определенных территорий, должны пройти такие категории как юрисдикция государства и его территория.

---

⁴⁹ Мусихин Г.И. Указ. соч. С. 64–78.

⁵⁰ Иванов В. Указ. соч.

Библиография

- Баглай М.В., Габричидзе Б.И. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. М.: Инфрам–Кодекс, 1996. 512 с.
- Галушко Д.В. О суверенитете государства в международном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1 (14). С. 366–374.
- Гоббс Т. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 545 с.
- Грачев Н.И. Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 44 с.
- Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М.: Сытин, 1908. 957 с.
- Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Проблема государственного суверенитета в современных геополитических условиях // Управленческое консультирование. 2016. № 3. С. 14–23.
- Левин И.Д. Суверенитет. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 373 с.
- Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. Т.1. М.: Проспект, 2016. 656 с.
- Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1903. 591 с.
- Самарин А.А. Право и экстерриториальность в условиях глобализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. №1. С. 115–124.
- Тункин Г.И. Основы современного международного права. М., 1956. 48 с.
- Фердросс А. Международное право. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 652 с.
- Хмелевский С.В. Государственный суверенитет: понятие, содержание, актуальные теоретические и практические проблемы реализации // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 281–289.
- Agamben G. Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. Stanford: Stanford University Press, 1998. 228 p.
- Falk R. Sovereignty / The Oxford Companion to Politics of the World. New York–Oxford, 1993. P. 851–873.

Concept of Sovereignty in the Conditions of Global and Information Communication Processes

Lyudmila V. Terent'eva

Associate Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University, Candidate of Juridical Sciences. Address: 9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125993, Russian Federation. Email: terentevamila@mail.ru

Abstract

The main emphasis of this article will be on the concept of state sovereignty in the conditions of globalization processes and development of information and communication space. The paper presents the polarization of scientific approaches regarding the impact of globalization and information processes on the concept of state sovereignty, questions about divisibility and restrictions of state sovereignty. The article criticized the postpositivist concept of sovereignty, which comes from the fact that the sovereignty ceases to be an essential feature of the nation-state in the context of globalization and information processes, integration of states and their legal systems. The article also investigates the concept, justifying the need to review the concept of sovereignty and its limitations in the modern world. The connectivity of states in political, economic, social and other areas have an impact not on the very sovereignty as a principle of international law but on the implementation of the sovereign rights of States. There is no practical and theoretical necessity to divide sovereignty in different categories: economic, political, tax, network, digital, etc., taking into account the integrity of the concept of state sovereignty. It should be added in this connection that there is no

sense to categorize the sovereignty on many areas of its implementation as it is impossible to present a full picture of all areas where the sovereignty may be realized. One more point to be made here is the development of information and computer and telecommunications technologies, have an impact on the legal forms of realization of the state power. These factors have an impact on the realization of the sovereign rights of States which are implemented through a set of power — political power, jurisdiction. In this regard, the jurisdiction of the state and territory are challenges faced by States in order to determine its jurisdiction with regard to network segments.

Keywords

sovereignty, jurisdiction, state, state power, sovereign rights, territorial sovereignty, territorial jurisdiction.

Citation: Terentieva L.V. (2017) Concept of Sovereignty in the Conditions of Global and Information Communication Processes. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 1, pp. 187–200 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.187.200

References

- Agamben G. (1998) *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: University Press, 228 p.
- Baglai M.V., Gabrichidze B.I. (1996) *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Russian Constitutional Law]. Moscow: Infram–Kodeks, 512 p. (in Russian)
- Duguit L. (1908) *Konstitutsionnoe pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva* [Constitutional Law. The General Theory of State]. Moscow: Sytin, 957 p.
- Falk R. (1993) *Sovereignty / The Oxford Companion to Politics of the World*. New York: OUP, pp. 851–873.
- Ferdross A. (1959) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 652 p. (in Russian)
- Galushko D.V. (2013) O suverenitete gosudarstva v mezhdunarodnom prave [On State Sovereignty in International Law]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, no 1 (14), pp. 366–374.
- Grachev N.I. (2009) *Gosudarstvennoe ustroystvo i suverenitet v sovremennom mire: voprosy teorii i praktiki (Avtoref. Dis. Doct. Yurid. Nauk)* [State and Sovereignty in Modern World: Theory and Practice (Doctor of Juridical Sciences Dissertation Summary)]. Moscow, 44 p.
- Hobbs T. (1991) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl', 545 p. (in Russian)
- Khmelevskiy S.V. (2015) Gosudarstvennyy suverenitet: ponyatie, sodержanie, aktual'nye teoreticheskie i prakticheskie problemy realizatsii [State Sovereignty: Concept, Content, Relevance and Implementation]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, no 4, pp. 281–289.
- Kirilenko V.P., Alekseev G.V. (2016) Problema gosudarstvennogo suvereniteta v sovremennykh geopoliticheskikh usloviyakh [State Sovereignty in Modern Geopolitical Realia]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no 3 (87), pp. 14–23.
- Levin I.D. (2003) *Suverenitet* [Sovereignty]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 373 p. (in Russian)
- Marchenko M.N. (2016) *Problemy obshchey teorii gosudarstva i prava*. [Issues of General Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt, 656 p. (in Russian)
- Palienko N.I. (1903) *Suverenitet. Istoricheskoe razvitie idei suvereniteta i ee pravovoe znachenie* [Sovereignty. Rise of the Idea and its Legal Meaning]. Yaroslavl': Governor Press, 1903. 591 p. (in Russian)
- Samarin A.A. (2015) Pravo i eksteritorial'nost' v usloviyakh globalizatsii [Law and Extraterritoriality in Globalization]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, no 1 (102), pp. 115–124.
- Tunkin G.I. (1956) *Osnovy sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [Fundamentals of Modern International Law]. Moscow: Znanie, 48 p. (in Russian)